

Японские исследования. 2020. № 4. С. 6–20.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 6–20.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

«Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.)

О.В. Шуган

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов Горького на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. С самого начала он воспринял её как антинародную, жестокую и бессмысленную. В письмах родным и близким Горький разоблачал хищнический характер этой «авантюры», лживую официальную пропаганду. Писатель внимательно изучал книги о Китае и Японии, активизировал издательскую деятельность с целью познакомить читателей с литературой и историей стран Востока. Он не поддерживал политику разжигания ненависти к Японии, выступал против комплекса «цивилизованного превосходства» европейцев. Через 6 лет в рассказе «Жалобы» (1911) Горький вновь вернулся к событиям Русско-японской войны, но дал им совершенно иную интерпретацию. В центре внимания писателя оказался «русский вопрос»: на примере отношения солдат к войне он критически осмыслил такие качества психики русского человека, как «пассивизм» и фатализм. В романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» война с Японией становится катализатором краха российской государственности. Это нашло выражение в ярких художественных приёмах при изображении манифестации на Дворцовой площади 30 января 1904 г., мобилизации запасных частей в Старой Руссе. В зависимости от идеологических задач отношение к войне 1904–1905 гг. и её освещение менялось: от непосредственной реакции на события Горький перешел к идейно-философским обобщениям и рассмотрел Русско-японскую войну в исторической перспективе.

Ключевые слова: Русско-японская война, М. Горький, Россия, Япония, Восток, «русский вопрос», «Жизнь Клима Самгина», национальная идентичность.

Автор: Шуган Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (адрес: 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а). ORCID: 0000-0002-5885-2287; E-mail: olgashugan@gmail.com

“Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure” (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905)

O.V. Shugan

Abstract. In this article, we observe the evolution of Gorky’s views on the events of the Russo-Japanese War (1904–1905). From the beginning, he perceived it as an antinational, cruel, and pointless event. In his letters to relatives and friends, Gorky exposed the predatory nature of this “adventure” and false official propaganda. The writer attentively studied books about China and Japan, intensified his publishing activities, trying to acquaint his readers with literature and history of the Eastern countries. He did not

support the policy of incitement of hatred towards Japan, and was opposed to the complex of “civilized supremacy” of Europeans. 6 years later, in his short story “Complaints” (1911), Gorky returned to the events of the Russo-Japanese War, but he gave them a completely different interpretation. The writer’s attention was focused on the “Russian Question”: using the example of the attitude of soldiers towards war, he critically evaluated such qualities of the Russian psyche as passivism and fatalism. In his novel “The Life of Klim Samgin”, the Russo-Japanese War becomes the catalyst of the collapse of the Russian state. This was expressed in bright artistic techniques in Gorky’s depiction of the demonstration on the Palace Square on January 30, 1904 and the mobilization of the replacement troops in Staraya Rousse. Depending on ideological tasks, the attitude towards the Russo-Japanese War and its covering changed. Gorky moved towards ideological and philosophical generalizations and considered the Russo-Japanese War in a historical perspective.

Keywords: Russo-Japanese War, M. Gorky, Russia, Japan, East, “The Russian Question”, “The Life of Klim Samgin”, national identity.

Author: *Shugan Olga V.*, PhD (Philology), Senior researcher, M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (address: Povarskaya str. 25a, Moscow, 121069, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5885-2287; E-mail: olgashugan@gmail.com

Чтобы прокомментировать горьковскую цитату, поставленную в заглавие статьи, необходимо обратиться к причинам и предпосылкам войны, которые начали складываться ещё в конце XIX века. В 1891 году было начато строительство восточной части Великого Сибирского рельсового пути (позднее – Транссиб) через всю Сибирь, расстоянием 7,5 тыс. км. Уникальный проект ставил целью выход России на перспективный китайский рынок, который с середины XIX века был силой открыт («опиумные войны») Англией и Францией, и куда устремилась Америка, заодно «открыв» Японию. С.Ю. Витте настоял, чтобы Транссиб пролегал из Иркутска во Владивосток через Маньчжурию – наиболее коротким путём, где конечной целью стал Порт-Артур.

Так завязался узел, приведший к конфликту интересов России и Японии. Начало было положено японо-китайской войной 1894–1895 гг., после которой, в союзе с Германией и Францией, Россия лишила Японию её «добычи» в виде Ляодунского полуострова, а спустя 3 года получила его в аренду на 25 лет. Но этим аппетиты российского самодержавия не ограничивались. А.Н. Куропаткин писал: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» [История России на рубеже веков, 2017, с. 42].

Вспыхнувшее в 1898 г. восстание ихэтуаней («боксёрское восстание») дало возможность России захватить Маньчжурию. Последней каплей, приведшей к войне, стала попытка проникновения России на Корейский полуостров, где в 1901 г. было создано «Русское лесопромышленное товарищество». Деятельностью этой компании руководила группа приближённых ко двору, известная как «Безобразовская клика». К 1903 г. А.И. Безобразов и его «клика» «окончательно взяли верх в окружении Николая II» [Хвостова, 2015, с. 154]. В 1903 г. А.И. Безобразов получил звание статс-секретаря царя и возглавил Особый комитет по делам Дальнего Востока. «Безобразовцы» действовали, не считаясь с интересами Японии. Министр внутренних дел В.К. Плеве высказывался за «небольшую победоносную войну»

с Японией, в надежде, что война всколыхнёт патриотические чувства народа и отвлечёт страну от революции.

Захват Россией Маньчжурии в 1900 г. и циничную попытку проникновения в Корею в 1901–1903 гг. имел в виду Горький, когда назвал в письме Л.Н. Андрееву Русско-японскую войну «распрей из-за маньчжурско-корейской авантюры» [Горький, 1998, с. 48]. Захватив в Ляодуне ключ ко всей Маньчжурии в 1898 г., оккупируя своими войсками все основные пункты в Маньчжурии, «передавая управление Дальним Востоком в руки <...> группы Плеве-Безобразова-Абазы-Алексеева, с отстранением Витте, – Россия явно и неуклонно шла на столкновение не только с Японией, а и с Англией и с Америкой <...>» [Романов, 1928, с. 24].

Когда в Китае началось восстание ихэтуаней, Горький рвался в Китай и звал с собой А.П. Чехова. Поездка не состоялась. 25 августа 1900 г. писатель спрашивал своего знакомого Л.В. Средину: «Вы думаете Китай – пустыки? Хе-хе! Поживите-ка ещё лет сто, так увидите, какая штука Китай...» [Горький, 1997, с. 49]. Е.Р. Матевосян обратила внимание на то, что Горький называл события в Китае «войной», хотя в то время и позже термин «война России и Китая» не использовался [Матевосян, 2020, с. 308]. Горький признавался, что придаёт этой войне огромное значение. «Меня бы нисколько не удивило, если б она затянулась лет на 30 и завершилась общей трёпкой всей Европы, – писал он. – Эх, зачем я не китаец! Я бы Вам показал цивилизацию! Я бы общипал с Вас культуру-то! Я бы...» [Горький, 1997, с. 50]. В этой фразе за ироническим тоном скрывается серьёзный страх перед «жёлтой опасностью», которую писатель чувствует особенно остро в связи с «боксёрским восстанием». Очевидно, что в 1900 г. писатель разделял европоцентристскую точку зрения на восстание ихэтуаней, изложенную в российской прессе, и одобрял вмешательство в китайские дела. Когда альянс европейских государств вместе с Россией подавлял восстание, русская либеральная пресса рубежа веков приветствовала тройственное вмешательство [Кудрявцева, 2015, с. 13].

Резко противоположную оценку действиям альянса европейских государств в Китае дал Лев Толстой. В «Обращении к китайскому народу» он писал: «К вам пришли европейские вооружённые люди и безжалостно, как дикие звери, набросились на вас: разоряя, грабя, насилая и убивая вас. Люди эти называют себя просвещёнными и страшно сказать – христианами. Не верьте им <...>» [Толстой, 1952, с. 340].

Когда началась Русско-японская война 1904–1905 гг., Горький был уже зрелым писателем, снискавшим не только отечественную, но и мировую славу. Его пьесы «На дне» и «Мещане» с успехом шли на сцене Московского Художественного театра, повести и рассказы были переведены на многие европейские языки. «Песня о Буревестнике» воспринималась как революционная прокламация: она распространялась в списках, афоризм Горького «Пусть сильнее грянет буря!» стал лозунгом, призывающим к борьбе. В этот период происходило сближение Горького с партией большевиков. Отношение писателя к войне с Японией отразило рост его гражданского самосознания, критический взгляд на внешнюю политику Российской империи, честность и принципиальность.

На начало войны Горький откликнулся сразу же, в конце января 1904 г., когда русские газеты сообщили о разрыве дипломатических отношений с Японией (25 января 1904 г., по старому стилю). 27 января (9 февраля) было объявлено о начале военных действий на Дальнем Востоке. Хотя о подготовке войны было известно заранее, она началась внезапно,

с нападения на Порт-Артур. В отличие от событий в Китае в 1898–1900 гг., Горький воспринял эту войну как позорную, выступал с антивоенными лозунгами, против комплекса «цивилизованного превосходства» европейцев, боролся с проявлениями национал-шовинизма. В письме Л.Н. Андрееву Горький сделал глубокие выводы об антинародном характере войны: «воюют правительства, а не народы, и воюют для упрочения своей власти, а не в интересах страны», «война – жестокая глупость» [Горький, 1998, с. 41]. Последняя фраза отсылает нас к Л. Толстому, который так охарактеризовал Русско-японскую войну: «Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости» [Толстой, 1936, с. 104]. Это слова из статьи Толстого «Одумайтесь», написанной 8 мая 1904 г. Разоблачая хищнические интересы правительства, он писал: «Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности и не нужна русским, да ещё из-за каких-то тёмных дел аферистов, хотевших в Корее наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег <...> безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч <...>» [Толстой, 1936, с. 137].

Через три дня после начала войны российский флот понёс первые потери, на что Горький сразу же отозвался: «Японцы бьют в лоб и по лбу: утопили крейсер “Варяг” с 500 команды, взорвали “Корейца”, взяли транспорт с 2000 наших солдатиков. Я видел ряд телеграмм, не пропущенных цензурой, – плохи наши дела!» [Горький, 1998, с. 36].

На следующий день после объявления войны Горький писал Е.П. Пешковой из Москвы: «Здесь патриотизм цветёт только в газетах; на улицах и в обществе – насмешки. Война – не популярна» [Горький, 1998, с. 35]. Он отмечал также, что газеты лгут, на бирже паника, «люди сходят с ума» и вынимают все вклады из сберегательных касс. «Вот те и патриотизм!» – заключал он. Поэтому писатель советовал жене беречь деньги: «денег в России нет, скоро во всей стране останется копеек 16, а все остальное – в Манчжурию пойдёт» [Горький, 1998, с. 62].

В первые дни войны Горький стал свидетелем «заказных» митингов, организованных по приказу В.К. Плеве: «Здесь расцветает патриотизм, а почему – понять невозможно. Потому что бьют? Ходят по улицам толпы мальчишек и орут – ура! Потом к ним присоединяются взрослые – в большинстве люди странного вида и тоже орут. Вдруг – является оркестр военной музыки и играет. Откуда оркестр? Почему он свободно странствует по городу? Всё это непонятно и таинственно» [Горький, 1998, с. 37].

Проведя собственное расследование, писатель установил, что «студенты, участвовавшие в манифестации перед Зим<ним> дворцом, – члены “Русского собрания” и О-ва “Денница”, состоящего под покровительством принца Ольденбургского. О-во это преследует цели нравственного самоусовершенствования. <...> Здесь манифестации – промысел, недурно оплачиваемый заинтересованными людьми» [Горький, 1998, с. 42–43].

Горький намекал Е.П. Пешковой на свой возможный арест: «Мое положение – обостряется, и возможно, что я куда-нибудь поеду на север. Но – ты не беспокойся, это ещё вилами на воде писано. Прими к сведению, что время теперь – весьма опасное и внешняя война обострит внутреннюю» [Горький, 1998, с. 42].

Обращает на себя внимание яркая экспрессивность и публицистичность Горьковских писем: они играют по существу роль газетных корреспонденций. Не имея возможности высказать свою позицию в легальной печати, писатель доверяет свои сокровенные мысли письмам. Кроме того, письма являются правдивой летописью событий: по ним можно видеть

изменение настроения в обществе: от ура-патриотизма к разочарованию. Заметно, что Горький не верит официальной пропаганде, о чём свидетельствуют упоминания о том, что газеты лгут, «патриотизм цветёт только в газетах», цензура пресекает «крамольные» мысли. Письма также содержат намёки на обострение внутривластной ситуации.

Несмотря на трагизм положения на фронте, писатель в частных письмах позволял себе иронию и юмор. Так, он поделился с Л.Н. Андреевым своим фантастическим сном: «Снилось мне потом, что будто мы с тобою, Леонидка, – с разрешения цензуры – вдруг женились на японках и у нас через неделю было сорок штук ребят. Услыхав об этом факте, и чудесном и полезном, сам японский император трое суток хохотал» [Горький, 1998, с. 47]. К трагикомическому факту можно отнести историю с медалью, изготовленной царским правительством в Русско-японскую войну на случай победы. Она хранится в московском музее А.М. Горького на Малой Никитской, 6. Показывая эту медаль гостившему на Капри писателю Д.Н. Семеновскому, Горький рассказал её историю. «Проект медали с надписью «Да вознесёт вас Господь» был представлен на высочайшее утверждение. Как ни скудоумен был Николай Второй, однако после Цусимы даже он чувствовал, что такая медаль не ко времени. Поэтому он написал на проекте «В своё время». Резолюция оказалась под словами изречения и была сочтена министрами за добавление к нему. Памятник самодержавной глупости со звоном лёг в ящик» [Семеновский, 1955, с. 387–388].

Стремясь не только разобраться в причинах войны, но и больше узнать об Азии, Горький начал внимательно изучать литературу о странах Дальнего Востока. В письме к жене Горький хвалил книги австралийского путешественника Эрнеста Гессе-Вартега «Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая» и «Япония. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии». Отправляя жене эту книгу, он писал, что «Япония» – «прекрасная вещь. И прекрасная страна, эта Япония, как увидишь. Вот куда я уехал бы жить!» [Горький, 1998, с. 58]. Трудно сказать, действительно ли Горький хотел поехать в Японию или это было сказано в пику официальной пропаганде и с целью подразнить цензуру. Своими восторгами Горький делился также с Л.Н. Андреевым: «Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, – прекрасная страна!» [Горький, 1998, с. 59]. Не всё прочитанное удовлетворяло его: прочитав «Маленький рассказ о Японии и её жителях», Горький был недоволен небрежностью издателей, обратил внимание на фразу: «Они хорошие семьянины, и жизнь в японских семьях отличается в большинстве случаев примерным согласием и взаимно-деликатным обращением супругов» [Горький, 1998, с. 269].

«События Русско-японской войны обострили интерес Горького к Востоку, народу и культуре Японии», – писал Д. Белкин [Белкин, 1988, с. 136]. Однако на книжном рынке литература на эту тему была представлена весьма скудно. Горький считал устаревшей книгу Ж. Симона «Срединное царство: Основы китайской цивилизации» (СПб. Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1886) «Факты – интересны, но выводы – сомнительны, – резюмировал Горький. – Ж. Симон сам был «срединный» человек и о Китае знает весьма мало.

Об япошках – нет ничего хорошего у нас, – это тупое жульё – патриоты издатели выпускают на рынок только вещи явно недоброжелательные Японии, а объективного – ни страницы.

Книга Дюмолара солидна, скучна и – пристрастна в дурную сторону. Очень уж эти европейцы высокого мнения о себе...» [Горький, 1998, с. 62]. Книга Симона хранится в Личной библиотеке Горького в Москве. В начале XX века писатель приобрел книгу Леруа

Большё «Япония: Обновление Азии» (1904), А. Сербского «Современная Япония» (1902), В. Астона «История японской литературы» (1904), «Японские сказки и легенды» (1906), Г. Ксимидова «Обзор истории японской литературы 1868–1906» (1909).

Выступая против национальной вражды, расовой дискриминации, Горький писал о «жуликах-европейцах», которые «дерут кожу с живого человека за то, что у него кожа жёлтая, дерут и, пока он молчит, они его хвалят, – ишь какой культурный! Начал он брыкаться – ругают: зверь, азиат» [Горький, 1998, с. 63]. С Горьким был в тот период полностью солидарен Л.Н. Андреев. Он саркастически отзывался о газетных фельетонах, полных расовой ненависти, смысл которых сводился к тому, что японцы – «азиаты, сумевшие схватить только вершки европеизации, а до сути недошедшие» [Горький и Леонид Андреев, 1965, с. 192]. Оба писателя были возмущены вульгарным тоном газетных статей, с интересом воспринимали живые свидетельства очевидцев событий в Японии.

Горький отдал дань теме войны в издательской деятельности. В сборнике «Знание» за 1904 г., посвящённом памяти А.П. Чехова, был помещён рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех», в котором писатель постарался передать весь ужас и безумие войны. Горький также напечатал в издательстве «Знание» повесть Л.А. Сулержицкого «Путь» (1906, кн. 9), повесть Г.П. Эрастова «Отступление» (1906, кн. 13), записки В.В. Вересаева «На войне» (1907–1908, кн. 17–20), 8 томов рассказов и очерков польского писателя и этнографа В.Л. Серошевского, вернувшегося с Дальнего Востока (1908–1909). Он также способствовал изданию книги Лаутерера «История Японии» (вышла в переводе Д. Альперина под названием «Япония – страна восходящего солнца – прежде и теперь», СПб, 1905, т. 1–2).

В июне 1904 г. 1-й Сибирский корпус, который был направлен в помощь Порт-Артуру, потерпел поражение под Вафангоу. Очередная попытка командования помочь осаждённой крепости окончилась неудачей. 7 июня Горький писал жене: «Под Вафангоу нас снова жестоко избили, по верным, но не опубликованным ещё слухам, мы потеряли около 6.000 и огромное количество офицеров. Вообще потери офицерами – прямо ужасны по количеству» [Горький, 1998, с. 94]. 10 июня он предрекал печальный исход: «А на Дальнем Востоке дела наши – плохи и становятся всё хуже» [Горький, 1998, с. 99].

Многих знакомых и товарищей Горького по «Знанию» война коснулась лично. В конце апреля 1904 г. Н.Г. Гарин-Михайловский выехал в Маньчжурию, где работал инженером в штабе командующего 1-й армией, а также военным корреспондентом газеты «Новости дня». Вскоре была напечатана его первая корреспонденция – «Дневник во время войны» (Новости дня. 1904. 3 мая. № 7510). У Е.Н. Чирикова ушёл на войну и погиб брат, М.Н. Чириков, штабс-капитан 2-го Восточносибирского полка. В.В. Вересаев был назначен младшим ординатором в полевой госпиталь. Горький откликнулся на это в письме: «Очень грустно и больно, дорогой и уважаемый товарищ, за Вас. Эта идиотская, несчастная, постыдная война – какой-то дикий кошмар, и Ваше участие в ней – обидно, тяжело. И – боязно за Вас – за Ваши нервы, за жизнь. Есть и хорошая сторона в Вашем присутствии там – события будут иметь трезвого, честного свидетеля, но – я всё же хотел бы, чтоб этот свидетель был – не Вы» [Горький, 1998, с. 116]. Горький как мог старался помочь семьям, которые потеряли близких. 26 июля 1904 г., находясь на лечении в Старой Руссе, он устроил концерт «в пользу солдатских семейств», на котором выступил с чтением поэмы «Человек».

Длительные бои под Ляояном в августе 1904 г. не привели к успеху, после чего последовал приказ об отступлении. В ходе действий потери русских войск составили около

16 тыс. человек. «Отступая из горящего Ляояна, мы не успели вывезти оттуда своих раненых, – писал Горький, – и они зажарились там – это вчера говорили военные. Вообще – на войне творится что-то ужасающее. Ко мне приходят раненые, возвратившиеся оттуда, и рассказывают такие вещи, точно молотками по голове бьют» [Горький, 1998, с. 125].

Неудачи в войне стали катализатором революции. После Ляояна в стране усилилось антивоенное движение, участились столкновения запасных с жандармами и полицией, началось брожение среди матросов. Горький, целиком вовлечённый в подготовку Первой русской революции, стал свидетелем «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. – расстрела мирной демонстрации в Петербурге. Складывается впечатление, что с начала 1905 г. для Горького существуют две войны: внешняя и внутренняя. Не случайно он сравнивал действия правительственных войск по разгону демонстраций с «манчжурскими сражениями». Заметно, что «внутренняя война» начинает занимать всё больше места в сознании писателя. В своём воззвании «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» он призвал «к упорной и дружной борьбе с самодержавием». За революционную деятельность писателя арестовали и заключили в Петропавловскую крепость и лишь под давлением мировой общественности освободили через месяц под залог в 10 тыс. руб. Горькому было запрещено жить в Петербурге, он уехал в Ригу, где тяжело переживал отрыв от политической жизни столиц, отсутствие новостей.

Он продолжал внимательно следить за событиями на Дальнем Востоке. В письме Е.П. Пешковой в феврале 1905 г. он с грустью сообщал: «А Куропаткина – бьют, эскадру возвращают, Суворин – плачет <...> и зовёт всех на Восток, где, дескать, решается истинная судьба России» [Горький, 1999, с. 24]. Речь шла об одном из самых кровопролитных сражений, проигранных русской армией – битве под Мукденом, в которой русская армия потеряла, по официальной статистике, почти 90 тыс. человек, из них около 16 тыс. убитых и пропавших без вести, более 51 тыс. раненых и 21,1 тыс. попавших в плен. «100 000 жизней на Дальнем Востоке погублено безвозвратно, бессмысленно, идиотски» – так отозвался Л.Н. Андреев о поражении русских войск под Мукденом в феврале 1905 г. [Горький и Леонид Андреев, 1965, с. 259].

События на востоке продолжали глубоко волновать Горького, о чём свидетельствует его письмо к издателю К.П. Пятницкому. Писатель признался, что он не работал над пьесой «Дети солнца», «потому что голова забита газетами, разгромом под Мукденом, слухами о сумасшествии полководца Куропаткина <...>» [Горький, 1999, с. 31].

Горячая и острая тема войны была в тот период на устах у многих. Особенно важно сравнить позицию Горького с позицией Л.Н. Толстого, к словам которого прислушивалась вся Россия. Известно, что Горький полемизировал с Толстым по многим вопросам, и война 1904–1905 годов скоро выявила глубокое различие в понимании российской действительности. Если на первом этапе обозначилось единство пацифистских взглядов писателей на войну как на жестокую и глупую авантюру правительства, то весной 1905 г. проявились очевидные расхождения в оценке Первой русской революции, значения которой Толстой сразу не оценил в полной мере. В статье «Об общественном движении в России» Толстой писал: «Но ведь главное <...> бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события (9 Января – *О.Ш.*), а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалечила сотни тысяч русских людей, угрожает уничтожить и искалечить ещё столько же <...>

И погибель этих людей там не только не возмущает общество, как убийства в Петербурге, но общество равнодушно <...>» [Толстой, 1936, с. 161–162].

Статья Толстого была напечатана в лондонской Times и перепечатана в газете «Русские ведомости» 2 марта 1905 г. (№ 58). Возмущенный этим выступлением, Горький написал открытое письмо Толстому. Он согласился с Львом Толстым в беспощадном осуждении войны с Японией: «В бессмысленной войне, непонятной и ненужной для народа, разоряющей страну, гибнут десятки тысяч людей; напоенный сообщениями о страданиях солдат, газетный лист кажется красным и влажным от человеческой крови, воображение рисует поля, покрытые трупами мужиков, насильно одетых в солдатские шинели...» [Горький, 1999, с. 35]. Вместе с тем он призвал своего оппонента обратить внимание на войну внутреннюю. Горький обвинил Толстого в том, что в тяжёлые дни, когда на земле льётся кровь тех, кто хочет жить по-человечески, а не по-скотски, Толстой нашёл возможным только повторить основную мысль своей философии «Нравственное совершенствование отдельных личностей – вот задача и смысл жизни для всех людей» [Горький, 1999, с. 34]. Горький хотел опубликовать письмо к Толстому в газете «Сын отечества», но потом решил, что ответ слишком резкий, и письмо в печати не появилось.

К более глубокому осмыслению уроков Русско-японской войны Горький обратился в 1911 г., в рассказе «Жалобы». Ещё осенью 1904 г. в письме К.П. Пятницкому писатель рассказал историю поручика Толузакова, ординарца генерала П.К. Ренненкампа, который, вылечившись после ранения, вновь отправлялся на фронт в качестве корреспондента «Нового времени». Этот юноша уехал добровольцем в Маньчжурию, «дрался там с иллюзией, что он борется «за родину», за какие-то её интересы, «пролил кровь», вернулся на родину, а она ему сурово, устами самых разнообразных людей, заявила, что у неё в Маньчжурии – нет интересов, что война эта – глупая трагедия своеволия <...> Услышав это – он почувствовал себя смертельно раненным в сердце и ныне возвращается на войну уже без иллюзий, идёт на неё, как на самоубийство» [Горький, 1998, с. 138]. В конце письма Горький добавил: «Хорошая тема для рассказа? Не правда ли?». Действительно, эта история вошла в первый рассказ из цикла «Жалобы», напечатанный в журнале «Современник» в 1911 г. (№ 1. Январь).

Почему через 6 лет в памяти Горького всплыли события Русско-японской войны и образ поручика Толузакова? В 1910-е годы, в период политического кризиса, остро встал вопрос национальной идентичности и размышления об отечестве и патриотизме снова стали занимать общество.

«Жалобы» представляют собой рассказ офицера о настроениях в армии во время Русско-японской войны. Находясь в поезде, идущем на восток, офицер старается вселить в солдат боевой дух, объясняет им цели России в Тихом океане. «Кончил. «Поняли?» – «Так точно, ваше благородие!» – отвечают мне русские люди, которым необходимо выйти на берега Тихого океана, отвечают – дружно, а я вижу, что – врут: ничего не поняли и нимало не интересно им все это» [Горький, 1971, с. 13]. Вскоре офицеру стало совершенно ясно, что он едет на войну «с людьми, которые не понимают, зачем нужно драться. Я должен внушить им боевой дух... должен! Они же не верят ни единому слову моему, и как будто в глубине души каждого живёт убеждение, что эта война – мною начата, мне нужна, а больше – никому» [Горький, 1971, с. 14]. Солдаты, вчерашние крестьяне с винтовкой в руках, чувствуют в японцах своих собратьев, тот же «земляной народ», не испытывая к ним

никакой ненависти. «Мужики везде одинаковые, – рассуждает новгородец Швецов, <...> – а ежели деревня против деревни в колья пойдёт, то, надо думать, никакой жизни и выгоды никому не будет, а только драка и кровопролитие...» [Горький, 1971, с. 13].

Напрашивается сравнение рассказа со статьей «Одумайтесь!» Толстого, который во время войны с сочувствием писал о японских и русских солдатах, одинаково одураченных пропагандой. Он считал, что «оторванный от своего поля, бедный, неучёный, обманутый японец» и «такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый» – «несчастные люди, доведённые вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире – убийства братьев – доблестным делом» [Толстой, 1936, с. 101].

В рассказе можно обнаружить также скрытую полемику с Толстым. Если Лев Толстой уравнивал «обманутых братьев» – русского и японского крестьянина, то Горький в целях революционной пропаганды противопоставлял своих соотечественников японцам. В «Жалобах» отмечено, что русским солдатам свойственны пессимизм и анархизм, а японцы представляются организованными, сознательными и бодрыми: «Народ – легкий, – говорит Швецов, – снаряжение – хорошее, а главнейшее – свои места, всё наскрозь они тут знают, каждую яму, всякий бугорок – разве с ними совладаешь? И опять же – на своём месте человек силён, на своём-то, на родном, он – неодолим, человек этот!» [Горький, 1971, с. 15]. Оторванность от «корней», бесприютность русского человека на этой далекой чужой земле, по мысли Горького, были главными причинами психологического перевеса противника, что, наряду с другими факторами, в конечном счёте привело к победе японцев. Рассказчик описывает поведение японских солдат в драматический момент войны: «<...> наш батальон прикрывал отступление из-под Мукдена, сижу я со своей ротой в кустах и ямах на берегу какой-то дурацкой речки; вдали, по ту сторону, лезут японцы – тоже очень спокойные люди, но – с ними спокойствие сознания важности того, что они делают, а мы понимаем свою задачу как отступление с наименьшими потерями» [Горький, 1971, с. 14–15].

Герой рассказа – офицер, который во многом выражает взгляды писателя, осуждает проявления жестокости, мародёрства, как следствие непонимания целей и задач войны: русские войска вырубали десятки деревьев, жгли фанзы, топтали посевы, ломали мебель. Пораженческие настроения, проявившиеся в отступлении из-под Мукдена, эпизоде поимки и расстрела китайского шпиона, сдача русских в плен – все эти события войны приводят офицера к мрачным выводам: «<...> скоро мы останемся одни-одинешеньки, представляя собою болото, которое будет ограждать Европу от нашествия монголов, как ограждало её в давние времена, и в этом наша роль вовеки и век века. И ограждать будем мы пассивно: дойдут до нас монголы и увязнут среди нас, точно в болоте, – вот так же, как мордва увязла» [Горький, 1971, с. 18]. Офицер признаётся, что «столкновение с русским народом» сделало его пессимистом и фаталистом.

Анализ рассказа говорит о том, что в «Жалобах» отразились не столько переживания из-за нашего поражения в войне, сколько тяжёлые мысли писателя, связанные с разгромом Первой русской революции. Он как бы отождествлял два этих события. Не случайно в конце рассказа Горький устами своего героя рассуждает о причинах неудачи революции, одну из которых он видит в идейной аморфности её участников. Эзоповым языком писатель разоблачает бывших революционеров, переметнувшихся в стан врагов: «Учили, убеждали, настроили юные души на идеалистический лад и, проиграв партию, спокойно отошли в сторону <...>» [Горький, 1971, с. 23]. Офицер разочарован в политической борьбе, так как

считает, что Россия не готова к социализму. «Русский не может быть социалистом <...> Социалисты, которые терпеть не могут друг друга, не уважают личности, товарища <...> ну какой там социализм! Это у нас – на день, на праздник... Сегодня – социалист, завтра – чёрт знает кто...» [Горький, 1971, с. 22–23].

Через много лет в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» Горький снова вернулся к событиям Русско-японской войны. Главный герой находится в плену монархических иллюзий, он надеется, что война с Японией поднимет престиж власти монарха. 30 января 1904 г. Самгин оказался на Дворцовой площади вместе с огромной толпой людей, ожидающих выхода Николая II. «Ритуализация объявлений войны издревле имела большой сакральный смысл, призванный придать военному событию общегосударственное значение, консолидировать общество перед битвой», – указывает Т.В. Савинкова [Савинкова, 2016, с. 243]. Герою передаётся настроение толпы, и он испытывает целую гамму чувств: сначала радость и восторг, потом смятение, досаду и разочарование. «Самгин видел, как разломилась дверь на балконе дворца, блеснул лёд стекол, и из них появилась знакомая фигурка царя под руку с высокой белой дамой» [Горький, 1974, с. 488]. Фигурки кажутся Самгину маленькими, игрушечными, но он надеется, что царь, «заряжённый восторгом людей, сейчас скажет им какие-то исторические, примиряющие всех со всеми, чудесные слова» [Горький, 1974, с. 489]. Однако этого не произошло, и Самгин почувствовал себя обманутым.

Чаяния толпы выразил технолог Стратонов, выступивший с патриотической речью: «– Мы их под... коленом и – в океан,– кричал он, отгибая нижнюю губу, блестя золотой коронкой; его подстриженные усы, ошестинясь, дрожали, казалось, что и уши его двигаются» [Горький, 1974, с. 490]. Полсотни людей кричали ему «браво». Отталкивающие черты внешности оратора усиливают недоверие к его лозунгам. Горький в образе Стратонова высмеивает ура-патриотические настроения части общества, желание побыстрее «сбросить японцев пинками в Тихий океан».

Маленькая фигурка царя, «прилепившаяся, как бездушная, немая деталь огромного здания, высоко над массой коленапреклонённых, восторженно ревущих людей» кажется Самгину аллегорией бессилия власти [Горький, 1974, с. 495]. Горький не случайно сравнивает царя и царицу с Гензелем и Гретой – детьми из сказки братьев Гримм. Образы «ледяного» дворца и его бездушных обитателей создаются Горьким сочетанием белых, голубых и серых тонов, упоминаниями стекла и льда. Писателю важно было показать разочарование своего героя в царе, его способности вести войну и защищать государственные интересы.

Сохранились дневниковые записи Николая II, в которых он отмечал выражение патриотических настроений своих сограждан. «Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъёма духа и негодования против дерзости японцев», – записал император 27 января, в день объявления войны [Император Николай II]. На следующий день по Петербургу ходили слухи о поражении японского флота. 30 января Николай II записал: «Перед завтраком большая толпа студентов с флагами подошла к Зимнему и начала петь гимн. Пошли в Белую залу и кланялись им из окна. В 3 часа приняли наследника хана Хивинского со свитой. Затем другая толпа пришла на набережную и кричала «ура!», чтобы мы показали. Видели её потом из окон Аничкова. Трогательные проявления народных чувств и в полном порядке!» [Император Николай II].

В эпопее «Жизнь Клим Самгина» мы опять встречаем поручика – его прототипом был всё тот же Толузаков, о котором Горький писал Пятницкому в 1904 г. В начале войны Лидия Варавка знакомит Самгина со своим мужем – поручиком гвардейской артиллерии Антоном Муромским (его фамилия содержит аллюзию на былинного богатыря). Исполненный высоких чувств и благородных стремлений, он собирался на фронт добровольцем, чтобы разделить судьбу своего народа. Нелепая смерть Муромского в Маньчжурии символична: Горький показывает, что сегодняшним богатырям не место на фронте, что героизм и самопожертвование отдельных людей не могут изменить исхода несправедливой войны.

Тяжёлые впечатления пережил Клим Самгин в Старой Руссе, куда приехал навестить своего отчима Варавку. Там готовился к отправке запасной полк. Самгин наблюдает картину проводов на фронт: новобранцы напоминают ему оловянных солдатиков, провожающие их женщины воют и плачут, повсюду царит хаос.

«– Господи, да что же это? – истерически крикнула баба, ощупывая его руками, точно слепая. Мужик взмахнул рукою, открыл рот и замотал головою, как будто его душили.

С этого момента Самгину стало казаться, что у всех запасных открыты рты и лица людей, которые задыхаются. От ветра, пыли, бабьего воя, пьяных песен и непрерывной бессмысленной ругани кружилась голова» [Горький, 1974, с. 499].

Эта сцена невольно вызывает в памяти героя первые дни войны и патриотические лозунги, которые он слышал в Петербурге: «Тихий океан, – вспомнил Самгин. – Торопятся сбросить японцев пинками в Тихий океан. Кошмар» [Горький, 1974, с. 499].

Горький был свидетелем описываемой мобилизации и в письме жене из Старой Руссы 20 июля 1904 г. так прокомментировал её: «Какой это ужас – отправление на войну запасных! На Новгородской губернии это отразилось особенно ужасно: в то время, как в других мобилизуются несколько уездов – здесь вся губерния.

Рёв, стон, вой – ежедневно.

Люди сходят с ума, вешаются, топятся – чорт знает что! И на войне тоже сильно заболевают психически – то и дело оттуда доставляют сумасшедших, что объясняется климатом Маньчжурии и артиллерийским громом» [Горький, 1998, с. 109].

Самгин встречает поезд царя и видит Николая II в вагоне. Это совпадает с реальными фактами: 6 июля 1904 г. царь прибыл в Старую Руссу и в этот же день записал в своём дневнике: «В 8 час. прибыли в г. Старая Русса. Посетив собор, проехал с Мишей за город, где представился 86-й пех. Вильманстрандский полк. Пересел в узкоколейный поезд; тут мы завтракали <...> Всеми смотрами остался очень доволен и в особенности видом людей» [Император Николай II].

В статье «Одумайтесь!» Толстой заметил, что верноподданнические чувства в народе сходят на нет. «Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопишуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое <...> Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде: другая, противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, всё больше и больше захватывает народ» [Толстой, 1936, с. 146–147].

Лидия Варавка, побывав сестрой милосердия в Маньчжурии, делится с Климом своими наблюдениями о японцах: «– Знаешь, эти маленькие японцы действительно – язычники, они

стыдятся страдать. Я говорю о раненых, о пленных. И – они презирают нас. Мы проиграли нашу игру на Востоке, Клим, проиграли! Это – общее мнение» [Горький, 1974, с. 615].

Война окончилась поражением России, 23 августа (5 сентября) 1905 г. в США стороны подписали Портсмутский мир, в результате которого Россия потеряла право на аренду Ляодунского полуострова с портами, южную половину Сахалина и часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Вследствие неудачи попыток российских властей расширить империю за счёт стран Дальнего Востока, гегемония в этом регионе на много десятилетий перешла к Японии.

Русско-японская война оставила неизгладимый след в памяти Горького. В течение жизни он несколько раз обращался к событиям на востоке 1904–1905 гг., но воспринимал их по-разному. С самого начала у писателя сформировалось отрицательное отношение к войне – он осудил её как несправедливую, жестокую и бессмысленную. Хотя Русско-японская война в художественном творчестве Горького тех лет не получила отражения, но письма Горького Е.П. Пешковой, Л.Н. Андрееву, К.П. Пятницкому и другим содержат хронику военных действий и являются по существу публицистическими заметками. Война активизировала просветительскую и издательскую деятельность писателя.

Второй круг проблем, проявившийся через несколько лет после окончания войны и событий Первой русской революции, связан с поиском национальной идентификации и вопросом о дальнейших путях России. В рассказе «Жалобы» (1911) Горький объединил два поражения – в войне и в революции – и попытался выявить взаимосвязь между этими событиями. Рассказ содержит упрёк либеральной интеллигенции, которая изменила революционным идеалам.

Наконец, третий этап в осмыслении Русско-японской войны отражён в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина». Война выступает в романе как некий барометр общественного сознания. Горький акцентирует внимание читателя на акте объявления войны, который призван подтвердить боевую мощь и силу государства. Сцена выхода царя к подданным показана как аллегория слабости и бессилия монархии. Русско-японская война рассматривается в романе в исторической перспективе, как одна из причин слома государственной власти в России. В зависимости от идеологических задач отношение к войне 1904–1905 гг. и освещение её событий меняется. Мы видим эволюцию взглядов Горького, от непосредственной реакции на события до идейно-философских обобщений.

Война 1904–1905 гг. обострила противоречия в русском обществе, которые в значительной степени выразились в полемике Горького и Толстого. Оба писателя проявляли себя как пацифисты, они болезненно переживали ужасы войны и её ненужные жертвы. Разошлись они в понимании последовавшей за войной Первой русской революции. При всём своеобразии религиозных убеждений Толстой в своих оценках опирался на христианскую этику, призывая к «непротивлению злу» и осуждая убийства. Революция, как и война, была для писателя неприемлема из-за её жестокости. Поэтому он назвал деятельность революционеров *«нецелесообразной, неразумной, неправильной <...> и вредной (курсив Толстого)»* [Толстой, 1936, с. 158]. В своих публицистических выступлениях он отвергал как насилие самодержавной власти, так и революционное насилие. Горький был солидарен с леворадикальной частью общества, которая призывала направить оружие на правительство и выдвигала лозунг «Долой самодержавие!». Война выявила разницу двух этических подходов: толстовского – общехристианского и горьковского – классового.

Горький не был ортодоксальным марксистом, он воспринял это учение как веру, и вера эта воплотилась в обожествлении роли народа, творящего историю.

В 1930-е годы, видя, как фашизм распространялся по Европе и набирал силу японский милитаризм, Горький очень опасался развязывания новой войны. Когда в сентябре 1931 г. Квантунская армия вторглась в Северо-Восточный Китай, создав тем самым угрозу безопасности СССР, Горький осудил агрессию Японии в письмах и публицистических выступлениях. Он писал своему секретарю П.П. Крючкову 26 января 1932 г.: «Очень волнуют меня дела японские. Как бы не заставили нас драться, а?» [Горький, 2019, с. 51]. В библиотеке писателя в Горках сохранилось более 20-ти книг, касающихся «японской угрозы». Тяжело больной писатель, находясь на своей подмосковной даче, внимательно изучал эту литературу. Перед ним вставал призрак кровопролитной Русско-японской войны, унёсшей сотни тысяч человеческих жизней и ставшей тяжёлым ударом для государственно-политической системы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белкин Д. Мир Востока в творчестве раннего Горького // Звезда Востока. 1988. № 8. С. 134–138.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. 483 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4. 483 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. 578 с.

Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. 786 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21. 1020 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 11. 616 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 19. 563 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. М.: Наука, 1974. Т. 22. 645 с.

Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М.: АН СССР, 1965. 630 с.

Император Николай II. Дневники и письма. URL: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1904.html> (дата обращения: 24.04.2020).

История России на рубеже веков. 1894–1922 гг.: Учебное пособие. изд. 2-е, испр., доп. И перераб. / Голотик С.И. и др. М.: Издательство Ипполитова, 2017. 426 с.

Кудрявцева Т.М. Дальневосточная политика России в восприятии русской либеральной общественности. Автореферат на соиск. уч. степени кандидата истор. наук. М., 2015. 18 с.

Матевосян Е.Р. Горький и Китай: истоки восприятия и формирование взаимоотношений (по материалам Архива А.М. Горького) // Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литератур и традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 296–318.

Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Л.: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. 605, [2] с.

Савинкова Т.В. Демифологизация монархической власти в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года. Материалы XXXVI Международной научной конференции. Н. Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. С. 237–248.

Семеновский Д.Н. А.М. Горький. Письма и встречи // М. Горький в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1955. С. 372–409.

Толстой Л.Н. Обращение к китайскому народу // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. Т. 34. С. 339–342.

Толстой Л.Н. Одумайтесь! // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1936. Т. 36. С. 100–148.

Хвостова И.А. Причины русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник научных конференций. 2015. № 3-1 (3). С. 153–154.

REFERENCES

Belkin, D. (1988) *Mir Vostoka v tvorchestve rannego Gor'kogo* [World of the East in the Work of Early Gorky], in *Zvezda Vostoka*, 8: 134–138. (In Russian).

Golotik S.I. et al. (2017). *Istoriya Rossii na rubezhe vekov. 1894-1922 gg.: Uchebnoye posobiye* [History of Russia at the Turn of the Century. 1894-1922. Textbook], Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1997) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 2. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1998) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 4. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1999) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 5. (In Russian).

Gor'kiy, A.M. (2003). *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 10. (In Russian).

Gor'kiy, M. (2019) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 21. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1971). *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 11. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1973). *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 19. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1974) *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya : V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 22. (In Russian).

Gor'kiy i Leonid Andreyev: Neizdannaya perepiska (1965). [Gorky and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence], *Literaturnoye nasledstvo*, Vol. 72, Moscow: AN SSSR. (in Russian).

Imperator Nikolay II. Dnevnik i pis'ma [Emperor Nicholas II. Diaries and letters]. URL: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1904.html> (accessed: 24 April 2020). (In Russian).

Khvostova, I.A. (2015). *Prichiny russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.* [The Causes of the Russian-Japanese War of 1904-1905], in *Vestnik nauchnykh konferentsiy*, 3-1 (3): 153–154. (In Russian).

Kudryavtseva, T.M. (2015) Dal'nevostochnaya politika Rossii v vospriyatii russkoy liberal'noy obshchestvennosti [Russian Far Eastern Policy in Russian Liberal Public's Perception], Avtoreferat na soisk. uch. stepeni kandidata istor. nauk [Author's summary of a Candidate of Historical Sciences degree dissertation], Moscow. (In Russian).

Matevosyan, E.R. (2020) Gor'kiy i Kitay: istoki vospriyatiya i formirovaniye vzaimootnosheniy (po materialam Arkhiva A.M. Gor'kogo) [Gorky and China: The Sources of Perception and the Creation of the Relationships (Based on the Materials of the A.M. Gorky Archive)], in *Vstrecha Vostoka i Zapada. Vzaimodeystviye literatur i traditsiy* [A Meeting of East and West. Interaction of Literature and Traditions], Moscow: IMLI RAN: 296–318. (In Russian).

Romanov, B.A. (1928) Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshney politiki samodержавiya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of Foreign Policy of Autocracy in the Era of Imperialism], Leningrad: Izd. Leningr. vost. in-ta im. A.S. Erukidze. (In Russian).

Savinkova, T.V. (2016) Demifologizatsiya monarkhicheskoy vlasti v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» [Demiphologization of Monarchical power in M. Gorky's Novel "The Life of Clim Samgin"], in *Gor'kiy: uroki istorii. Gor'kovskiy chteniye 2014 goda. Materialy XXXVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Gorky: Lessons of History. 2014 Gorky's Readings. Material of the XXXVI International Scientific Conference], Nizhny Novgorod: OOO «BegemotNN»: 237–248. (In Russian).

Semenovskiy, D.N. (1955) A.M. Gor'kiy. Pis'ma i vstrechi [Letters and Meetings], in *M. Gor'kiy v vospominaniyakh sovremennikov* [M. Gorky in Memories of His Contemporaries], Moscow: Goslitizdat: 372–409. (In Russian).

Tolstoy, L.N. (1952) Obrashcheniye k kitayskomu narodu [Appeal to Chinese people], in Tolstoy, L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t.* [Complete Works: in 90 V.], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 34: 339–342. (In Russian).

Tolstoy, L.N. (1936) Odumaytes'! [Think again!], in Tolstoy L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t.* [Complete Works: in 90 V.], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 36: 100–148. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.04.2020

Received 28 April 2020

Для цитирования: Шуган О.В. «Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2020. № 4. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

For citation: Shugan O.V. (2020). “Russko-yaponskaya raspnya iz-za man'chzhursko-koreyskoy avantury” (M. Gor'kiy o Russko-yaponskoy voyne 1904–1905 gg.) [“Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure” (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905)], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025